

Ной и Иафет в ораторской прозе Феофана Прокоповича и Стефана Яворского

Евгений Матвеев

Abstract: *Noah and Japheth in the oratorical prose of Feofan Prokopovich and Stefan Yavorsky.* This article focuses on the functioning of the names *Noah* and *Japheth* in the oratorical prose of the main preachers of the Petrine era — Feofan Prokopovich and Stefan Yavorsky. Relying on the analysis of the available contexts and its sources the semantics which was probably hidden behind the comparison of Peter I and Japheth in Feofan Prokopovich's *Sermon on the Burial of Peter the Great* (1725) is being reconstructed.

Keywords: Petrine era, literary onomastics, oratorical prose, Feofan Prokopovich, Stefan Yavorsky

В знаменитом *Слове на погребение Петра Великого*, произнесенном в день похорон Петра I 8 марта 1725 года в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, Феофан Прокопович, в соответствии с длительной традицией использования имен собственных в риторических целях (Панченко 2003; Keipert 1988; Сазонова 2002; Кузнецов 1993), сопоставляет Петра с такими библейскими персонажами, как Сампсон, Иафет, Моисей, Соломон и Давид. К этому ряду примыкает и одно сопоставление с небиблейским героем — императором Византийской империи Константином Великим. Обратим внимание на второе уподобление ряда: «Се твой первый, о России, *Иафет* [курсив здесь и далее наш. — Е. М.], неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание карабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так выше удивления вся селенья, и отверзе тебе путь во вся концы земли и простре силу и славу твою до последних окиана, до предел пользы твоя, до предел, правдою полагаемых, власть же твоя державы, прежде и на земли зыблующуюся, ныне и на мори крепкую и постоянную сотворил» (Феофан 1961, 127). Иафет, согласно Библии, — младший сын Ноя, праведного патриарха, построившего ковчег перед Всемирным потоком. Возникает закономерный вопрос: почему Феофан, говоря о Петре как о строителе российского флота, уподобляет его не Ною, а его сыну — Иафету? К сожалению, в существующих новейших изданиях, в которых опубликовано слово Феофана (Феофан 1961; Панегирическая литература 1979; Петр I 1996), этот вопрос никак не комментируется, а в исследовательской литературе лишь содержит-

Evgenij Matveev, Friedrich Schiller University, Germany, evgenii.matveev@uni-jena.de, 0000-0001-5804-1196

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Evgenij Matveev, *Noah and Japheth in the oratorical prose of Feofan Prokopovich and Stefan Yavorsky*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.22, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 275-286, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

ся указание на то, что Иафет как-то связан с идеей флота (Hughes 1998, 446; 2002, 206; 2007, 404; Буранок 2002, 154; Конакова 2007, 68)¹.

Между тем, для этого сопоставления в *Слове* Феофана можно обнаружить прямой — и при этом невербальный — источник. Этим источником был элемент погребального ритуала, который был подробно разработан после смерти Петра I 28 января 1725 года одним из его ближайших сподвижников Яковом Брюсом (Collis 2012, 49)². Известно, что в «печальной зале» Зимнего дворца, в которой 13 февраля 1725 года был размещен гроб с телом императора (Голиков 1789, 9, 212, 213, 222), среди прочего, размещались четыре пирамиды, в аллегорической форме изображающие разные стороны личности и реформаторской деятельности Петра. Подробное описание этих пирамид оставил, в частности, Феофан Прокопович в своей *Краткой повести о смерти Петра Великого*. Первая пирамида прославляла попечение императора о церкви, вторая — законотворческую деятельность, третья — военные успехи, причем в надписи к этой пирамиде Петр был назван «Самсоном Российским» (Феофан 1831, 53–5). Протицируем описание четвертой пирамиды Феофаном полностью: «Четвертая пирамида чинит тожде сказание о возставлении мореплавания и о приобретении чрез море коммерции Его Императорского Величества и Его Империи; яже назначивает трофею морскую. Сверх же пирамиды имелася фигура виктории, содержит связное имя Императорское. А сей пирамиды надписание: “От строения флота, / Новаго в мире, перваго в России *Иафета*, / Власть, страх и славу на море простершему, / И нам в сообщении вселенную приведшаго, / Плавающего уже не увидим. / Ныне нам воды и слезы наши, / Ветры и въздыхание наше”» (Феофан 1831, 55–6; ср. также: Голиков 1789, 9, 218). Более чем вероятно, что непосредственным поводом для упоминания Иафета в *Слове* Феофана стала эта «опубликованная» почти за месяц до выступления Феофана надпись на пирамиде в «печальной зале».

Однако установление прямого источника не снимает вопроса о семантике уподобления Петра I Иафету. Как Иафет связан с флотом и мореплаванием? Такая ассоциация существует в европейской культуре, и она берет свое начало в текстах, созданных на Западе в эпоху раннего модерн³. Ее можно

¹ В исследовании Е. И. Конаковой предпринимается попытка конкретизировать, какой именно флот мог иметь в виду Феофан: «Как Иафет, Петр I, по словам Ф. Прокоповича, учредил в России “строение и плавание карабельное, новый в свете флот”. Это, как отмечал он, было в России “неслыханное ... от века дело”. Для России он “отверзе [...] путь во вся концы земли и простре силу и славу [...] до последних окиана, [...] до предел, правдою полагаемых”. Здесь имелся в виду не столько даже военный флот, сколько тот, благодаря которому Россия смогла выйти “до последних окиана”, т.е. когда в год смерти императора началась Первая Камчатская экспедиция В. Беринга и А.И. Чирикова» (Конакова 2007, 68). Эта интерпретация возможна, однако требует, с нашей точки зрения, дополнительного обоснования, которое, к сожалению, в статье исследовательницы отсутствует.

² Благодарю глубокоуважаемого Эриха Берчи за указание на это весьма важное для моей темы исследование, а также за ряд других ценных замечаний и советов по теме.

³ Благодарю анонимного рецензента, обратившего мое внимание на это весьма существенное обстоятельство.

обнаружить, в частности, у французского протестантского теолога и филолога Самюэля Бошара (Samuel Bochart, 1599–1667). В первой части своего трактата *Geographia sacra* он сравнивает Ноя с Сатурном, а Юпитера, Нептуна и Плутона с Хамом, Иафетом и Симом соответственно (Позднев 2022, 133). Библейский Иафет у Бошара тождественен древнегреческому богу Посейдону и римскому Нептуну: «*Iaphet idem qui Neptunus, quem ideo mari praefecerunt*» (Bochart 1646, 9); «*Ποσειδῶν & Japhet plane sunt synonyma*» (Bochart 1646, 10); «*Iaphet Neptunus veterum. Eius portio in insulis & peninsulis*» (Bochart 1646, index rerum, нenum.). Такое отождествление от Бошара переходит в различные трактаты и словари, например, вторая из приведенных формулировок Бошара с сохранением всех орфографических особенностей попала в четырёхтомную энциклопедию базельского историка и филолога Иоганна Хофманна *Lexicon Universale*: «*Ποσειδῶν & Japhet plane sunt synonyma*» (Hofmann 1698, 857)⁴. Феофану Прокоповичу труд Бошара был точно известен. В январе 1725 года при его прямом участии выходит первый в России перевод *Мифологической библиотеки* Псевдо-Аполлодора, большого сборника традиционной греческой мифологии и героических легенд. Автором предисловия к переводу, выполненному А. К. Барсовым, был Феофан. В предисловии указана причина появления перевода — «любопытство» Петра I, «откуда язычницы производят начало суетного своего многобожия» (Феофан 1725, 3). По словам М. М. Позднева, предисловие Феофана, написанное «в жанре ученой проповеди [...] представляет собой ответ на совершенно не тривиальный вопрос Петра о происхождении античного политеизма <...> Феофан пытается доказать, что языческая народная религия и ветхозаветная книжная вера происходят от общего начала» (Позднев 2022, 131). Аргументы для доказательства составители книги берут у Самюэля Бошара: сокращенный перевод начальных разделов *Geographia sacra* помещен в приложении к книге (Бошар 1725). Текст перевода Бошара озаглавлен *Следование о родословии первых богов языческих, како оно из истинной истории Священнаго Писания, языки выптели развращением: Самуилом Бохартом премудреишим древностей исыскателем сочиненное*. Как отмечает М. М. Позднев, «Барсов, переведивший текст [...] и Прокопович, редактировавший перевод, адаптируют труд Бошара для русского читателя» (Позднев 2022, 132–3). В предисловии Феофан прямо говорит о своей личной причастности к работе над переводом и обосновывает необходимость помещения в конце книги приложения: «Трудно бо, или паче отнюд невозможно человеку неученому в книгах Еллинских, обоняти следу Священныя истины; но надлежит быть искусному как в Священном писании, так и во многих древних книгах Еллинских. Того ради, да бы и сея ползы не лишился читатель, судилося нам за благо, придать при конце книги сея, премудрое некоего славнаго древностей изыскателя, именем Самуила Бохарта следование. Которым он предивне показывает, како от Ноя, и сынов и внуков его, развращением истинной Истории, сочинили

⁴ О рецепции трактата *Geographia sacra* см.: Shalev 2012, 190–202.

себе разных боги язычники: в котором его следовании так многая священным повестем согласная предлагается, что не возможно не исповести басни оныя, первых богов Еллинских от Моисеиской Истории взятая, и токмо разным пременением развращенная» (Феофан 1725, 17–8). В опубликованном переводе Бошара есть целый раздел *О Иафете*. Он начинается с того самого отождествления библейского Иафета и мифологического Нептуна: «*Иафет* тот же есть что в языческих баснях Нептун: котораго водами обладающаго прославили, того ради что когда Хам Африку, а Сим Асию, жребием своим получили, земля (Европа именуемая) пришла под власть *Иафетову*, которая по большой части своею состоит из островов и Херсонов (полуостровии). На островах суть Британия, Гиберния, Фули, Крит, Сицилия, Сардиния, Корсика, Балелры и прочая. На Херсонах или полуостровах Испания, Италия, Греция, малая Асия, Херсон Таврицкий (ныне Крым), Кимврииский (ныне Дания), Скандиа (ныне Швеция), Ареморика и прочая» (Бошар 1725, 343–4). Здесь слово *острова* отсылает непосредственно к Библии, к 5 стиху 10 главы книги Бытия. В этом стихе говорится, что от потомков Иафета «населились острова народов». Семантическую связь между этим стихом и историей Европы, осмысляемой в первую очередь как история греческого мира, можно обнаружить уже у древних отцов христианской церкви, например, Иероним Стридонский в комментарии к этому стиху замечает: «Все острова, побережья по всему миру и приморские страны были заняты греческими поселенцами, которые [...] овладели всеми приморскими местами от гор Амана и Тавра до Британского океана» (Иероним 2009, 75). Вероятно, именно такие толкования могли стать основой, на которой позже возникло отождествление Иафета с Нептуном и — далее — актуализировалась связь с идеей мореплавания.

Однако Феофан, как представляется, сравнивая Петра с Иафетом, мог учитывать не только семантические линии, отсылающие к вышеуказанному переводу Бошара в составе *Мифологической библиотеки* Псевдо-Аполлодора, над которым он работал незадолго до смерти Петра. Для Феофана в 1725 году могли быть важны и другие актуальные для русской словесности этой эпохи семантические пласты имени *Иафет*. Для того, чтобы их прояснить, проследим за употреблением имен *Ной* и *Иафет* в ораторской прозе Феофана Прокоповича и его современника и соперника Стефана Яворского.

Насколько можно судить, в других проповедях самого Феофана имя *Иафет* больше не используется. Однако оно часто встречается в проповеди Стефана Яворского *Торжественная колесница путь сугубый* (1706), которая представляет для нас особый интерес. В этой проповеди Стефан задается вопросом, похожим на тот, который интересовал еще автора *Повести временных лет* («откуда пошла русская земля»): «откуда Московская страна нарицается Москвою» (Стефан 1874, 133). В соответствии с библейской картиной мира, автор проповеди обращается к трем библейским братьям (сыновьям Ноя) и акцентирует произошедшее после потопа «разделение обязанностей» между ними: «Преславный он первый по всемирном потопа патриарх *Ное* имел три сыны, — Сима, *Афета* и Хама; Сима убо благослови *Ное* и постави его быти молитвенника и жерца [sic], *Афета* благослови и постави его быти

властелина, Хама же прокляв, предаде его Симу и Афету в вечную работу и подданство, отонудуже сия стихи составишася:

Сим молитву деет,
Афет власть имеет,
Хам орет и сеет,
Смерть всеми владеет» (Стефан 1874, 133–34).

Далее автор утверждает, что один из сыновей Иафета, Мосох, стал прародителем московитов: «Сей убо Мосох, сын Афетов, по столпотворении и разсеянии языков с своим племенем, прииде в сия страны и водворися в сих пределех, в них же мы ныне пребываем, и тако от того Мосоха и Москва река и вся сия страна Москвою от Мосоха нарицается. Москва убо от Мосоха, а Мосох откуда? Не от Хама, от негоже рабское племя прозябе, но от Афета, от него же чин владычествующих, аки благая отрасль от благаго корене произыде» (Стефан 1874, 134). Иафет, как мы видим, воспринимается, с одной стороны, как *властитель, властелин*, с другой — как «отец россиян», наряду с киевским князем Владимиром: «Велие есть и высокое рода российского рождение, но не меньшее есть отрождение. Рождение, яко слышасте, есть от благословеннаго и *властоначалием почтеннаго Афета*: отрождение же или второе паче по духу рождение есть от святаго равноапостольнаго князя Владимира» (Стефан 1874, 135)⁵. Для понимания историко-культурного контекста этих рассуждений Стефана важно отметить, что идея о том, что славяне произошли от потомков Иафета, лежит в основе теорий сарматизма, которые были широко распространены в Польше в XVI–XVII веках (Kohut 2010, 280–84). Стефан Яворский, без сомнения, был знаком с этими теориями: в его библиотеке, среди многочисленных книг на польском языке, была *Kronika polska* (Маслов 1914, 35) польского писателя и историографа Марцина Бельского (Marcin Bielski, 1495–1575), который в своем труде оперировал понятием «европейская Сармация» (Kerksen 2004, 244) и акцентировал общность происхождения поляков и московитов от сына Иафета Мосоха (Мьяльников 1996, 26; Kohut 2010, 282)⁶. Из польской историографии «теория Мосоха» переходит в украинскую, в частности, в знаменитый *Синопис* Иннокентия Гизеля (Kohut 2010, 284–87; Стефанович 2020, 428), который исследователи называют одним из непосредственных источников интересующего нас слова Стефана Яворского (Collis 2012, 249).

Вернемся к тексту проповеди *Торжественная колесница путь сугубый*. Далее Иафет описывается Стефаном не только как прародитель россиян (через сына Мосоха), но и как прародитель всех европейцев: «Афет впервых началь-

⁵ Анализ этой проповеди Стефана Яворского и, в частности, употребления имен Ной и Иафет в ней см. в книге: Collis 2012, 245–57.

⁶ Об актуальности польских хроник XVI века для круга интеллектуалов петровской эпохи, включавшего Феофана Прокоповича, свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что хроника Бельского была также в библиотеке В. Н. Татищева (Okenfuss 1995, 133).

ник рода нашего от еврейска языка толкуется *расширение* или *расширителен*⁷. [...] *Афет* бо благословением отца своего Ноя и жребием *восприем Европу*, часть круга земнаго, велие по имени своему сотвори рода своего расширение, яко не точию по странам полунощным и западным, но и по восточным зело племенем своим расширися» (Стефан 1874, 138–39)⁸.

В проповеди *Торжественной колесницы путь сугубый имя Иафет (Афет)* не становится антономазией или частью перифразы, однако в этой функции используются другие окружающие его библейские имена. Петр I назван *Давидом российским*: «О Давиде российский, льву свейскому сопротивоборче!» (Стефан 1874, 150); «О Давиде наш российский!» (Стефан 1874, 150); «О коликое тебе радование, Давиде наш российский, егда овцу заблудшую и зверем рыкающим похищенную от поглощающих его уст и ненасытной гортани исторгл еси преславно!» (Стефан 1874, 152). Длинную серию уподоблений библейским персонажам использует Стефан при характеристике Ивана Грозного: «Мы же кую имама воздати похвалу *второму нашему Моисею, второму Гедону*, безсмертныя славы взыскателеви, приснопамятному Российскому монарху, прехраброму Российскому царю и великому князю Иоанну Васильевичу, иже, не терпя зрети род благословенный в толиком уничижении, воста *аки вторый Сампсон* на отмщение своих супостатов, воста *аки вторый Илия* на заклятие жерцов Вааловых, и ревнуя по Бозе, яви в себе неотродную *Афета и Мосоха*, предков своих, силу и великодушие, смири татарскую гордость, укроти зверообразную агарян лютость и отверг богомерзкое их иго, пленивших плени мужески, и царство их казанское и астраханское с прочими многими государствами и с безчисленными татарскими народы своему Российскому государству пристяжа преславно; веру святую христианскую православно-восточную в странах, имене Христова не знающих равноапостольне вкорени, капища их богомерзкая испроверже, храмы Божия воздвиг, украси, и многое множество заблудших на путь истинный настави и к познанию истиннаго Бога, *аки вторый Константин, вторый Владимир*, ревностию Божию движим, приведе православно и преславно» (Стефан 1874, 140). Мы видим здесь, что список «канонических» уподоблений частично совпадает с перечнем Феофана в *Слове на погребение...* (Моисей, Сампсон, Константин Великий). *Иафет (Афет)* появляется тоже, но не в качестве уподобления, а как предок героя⁹.

⁷ Стефан здесь использует народную этимологию имени Иафет (Петров 2009, 598). Вероятный источник этимологии — *Синопис* Иннокентия Гизеля (Collis 2012, 253).

⁸ Идея происхождения европейских народов от Иафета фиксируется в литературе различных европейских стран. В шведской литературе она представлена, в частности, у историка XVIII века Иоганна Магнуса и у современника Стефана Яворского поэта Магнуса Рённу. См.: Dahlberg 2016, 199–200.

⁹ В русской словесности XVIII века имя *Иафет (Афет, Яфет)* встречается редко. Его можно встретить, в частности, в *Истории Российской* Татищева в пересказе и развитии библейской истории разделения Земли между тремя сыновьями Ноя после потопа: «*Иафету* же достались полуночные и западные страны [...] В *Иафетовой* части жительствоуют народы, русь, чудь, пермь, печера, емь [ямь], югра, литва, зимегола, корсь, сетгола, ливы. Ляхи же, борусы (прусы) и чудь живут возле моря Варяжского. По сему же морю к востоку обитают

Рассмотрим теперь, как функционирует имя *Ной* в ораторской прозе двух анализируемых проповедников.

Имя *Ной*, разумеется, встречается в пересказах и интерпретациях библейского сюжета о Всемирном потопе. Например, Стефан Яворский в *Слове в неделю пятидесятницы* пишет: «Ведаете от писаний Божественных, при оном всемирном потопе, егда голубица прилете в корабль *Ноев*, носящи сушец масличный во устех своих: тогда уразуме *Ное*, яко уже умаляется потоп и буря водная, а настает тишина превозделенная» (Стефан 1804, 1, 166). В проповедях Феофана библейский сюжет о потопе не пересказывается, но подходящий пример можно найти в его *Риторике* в главе об амплификациях: «Амплифицируется страх и скорбь *Ноя* во время потопа». Из II книги святого Иоанна Златоуста *О провидении*: «Целый год [*Ной*] был присужден пребывать в этой необыкновенной и страшной темнице, я не говорю уже, конечно, о множестве диких зверей, змей, с которыми столько времени ему пришлось жить вместе, пребывая в такой тесноте. Какое же, ты думаешь, он должен был иметь мужество среди столь сильных ударов грома и грохотания туч? Ведь нижняя бездна разверзалась, верхняя спускалась вниз под натиском величайшей силы, в то время как он один с детьми сидел внутри [ковчега]» (Феофан 2020, 145)¹⁰.

Для нас особый интерес представляют случаи, когда имя *Ной* используется в проповедях в связи с образом Петра I. Эксплицитное уподобление Петра Ноею при помощи перифраз *Новый Ной* и *Ной Российский* встретилось у Стефана Яворского в проповеди *Сень вторая, Моисею от Петра созданная, яже есть флот морской, в неделю первую по сошествии Святаго Духа* (второй части цикла *Три сени, от Петра святого созданныя*): «Ныне же радуйся и веселися, Россие, егда благоизволи Бог ключем Петровым отверсти тебе врата на видение света. Радуйся и веселися, егда стяжала еси *новаго Ноя*, который флотом морским средостение, заключающее тя, и свободу тебе отъемающее, престранно разори, на свободу тя изведе, и отъят от тебе поношение и уко-

варяги и емь к востоку до предела Симова. К западу по оному морю до земли Аглинской и Волохской (разумеет Италию) Иафетово колено, то есть варяги, свей (шведы), урмане, русь, ингляне (англичане), волохи и римляне, немцы, корлязи, венедейцы (венеды), фриги и прочие» (Татищев 2003: 2, 6). Как видно, у Татищева *Иафет*, как и в *Повести временных лет*, предстает прародителем европейцев. Любопытный иронический контекст с именем *Иафет* встретился у А.П. Сумарокова в комедии *Ядовитый*, направленной против Ф.А. Эмина. Введенный в комедии под именем Герострата Эмин так говорит о самом себе: «Кто знает языков целую дюжину, так кажется тому писать можно [...] И кто разные степени человеческого знания познал опытом, быв и прикованным на галере гребцом и монархом на престоле. [...] И кто знает опытом разные богослужения, теплые принося молитвы и во Ерусалиме и в Медине [...]. Кто знает историю Сима, Хама и *Яфета* так подробно, как будто бы с ними во весь их век жил купно» (Сумароков 1787, 5, 166). При помощи этих характеристик, как отмечает Г.А. Гуковский, «Сумароков хочет разоблачить и авантюрную биографию Эмина, и его ученость» (Гуковский 1940, 89).

¹⁰ О Ное и Ноевом ковчеге в контексте богословских воззрений Феофана Прокоповича см.: Collis 2012, 287–89, 321, 331.

ризу [...] О *Ное российский!* О морского флота в России первый адмирале и мастере преславный!» (Стефан 1875, 1, 122–23). Также обозначение Петра перифразой *Ной Российский* встречается у Стефана в *Слове в неделю пятидесятницы*: «О голубе параклите, творяй милость Христу своему Давиду, туюже милость покровительную являй всегда Христу нашему, помазанному твоему [...]. Ты нам буди, Душе святой, таким голубем, мира и тишины благовестником: ты с такою ветвью прилети в корабль *Ноя* нашего *Российскаго*» (Стефан 1804, 1, 166).

Имплицитное (скрытое) уподобление имеет место в том же слове, когда автор обращается к Святому Духу, сравнивая его с *голубицей Ноевой*: «Наипаче молим тя, параклите, Душе святой, буди ему [*Петру I*] и нам *голубицею Ноевою*» (Стефан 1804, 1, 166). Выражение *Голубица Ноева* означает здесь *вестник, приносящий хорошую весть* — далее Стефан сам отчасти поясняет семантику этого уподобления: «Ты нам буди, Душе святой, таким голубем, мира и тишины благовестником» (Стефан 1804, 1, 166). Еще раз в таком же значении используется выражение в проповеди «*Моисей Российский*»: «Во время оной преславной виктории Полтавской был ту у нас ход и особое набоженство в день Сретенской Богородицы, 23 дня июня; тогда на казании гласил яко грядущая к нам из Владимира Богородица, яко *голубица Ноева*, несет к нам ветвь масличную победоносную» (Стефан 1875, 9, 133). Петр, таким образом, подспудно сопоставляется с *Ноем*, хотя основание этого сопоставления в тексте не выражено. Более явное уподобление Петра Ною встречается в *Слове похвальном о флоте российском* Феофана, где знаменитый ботик Петра («*дедушка русского флота*») соотнесен с *Ноевым ковчегом*: «Кто же не скажет, что малый ботик против флота есть, аки зерно против древа? А от того зерна возрасли сия великая, дивная, крылатая, оруженосная дрeвеса. О ботик, позлащения достойный! Тщалися нецзи искать на горах Араратских доски *ковчeга Ноева*; мой бы совет был ботик сей блюсти и хранить в сокровищах на незабвенную память последнему роду (Феофан 1961, 106)¹¹. Сравнивая в 1720 году ботик Петра I с *Ноевым ковчегом* Феофан, конечно, учитывал то, что исходило от императора — с одной стороны, Петр лично мифологизирует историю ботика и его роль в создании русского флота (Погосян 2001, 102–07), а с другой, сравнивает себя с *Ноем* (Погосян 2001, 107). По словам французского консула Лави, свидетеля празднования Нового 1719 года в Петербурге, «он [*император*] сравнивал себя с *Ноем*; обозревая с горестью старый русский мир, он выразил надежду, что посредством учреждения нескольких советов и коллегий ему удастся придать новый вид этому миру» (Донесения 1884, 8). Анализируя рассматриваемое нами уподобление в *Слове* Феофана, Е. А. Погосян заключает: «Строительство флота Петр рассматривает как особую миссию, которая была возложена Всевышним лично

¹¹ Еще несколько примеров уподобления Петра I Ною в словесности и изобразительном искусстве начала XVIII века приводит в своем исследовании Роберт Коллис (Collis 2012, 379–83).

на него <...> Эта идея Божественного завета и личной миссии Петра давала возможность Феофану Прокоповичу сопоставить ботик с Ноевым ковчегом» (Погосян 2001, 106–07).

Итак, анализ контекстов употребления библейских имен *Ной* и *Иафет* в ораторской прозе Стефана Яворского и Феофана Прокоповича показал, что имплицитное или эксплицитное уподобление Петра I как создателя флота Ною встречается у обоих авторов. Имя *Иафет* в *Слове на погребение...* выполняет ту же функцию, какую в других вышеуказанных произведениях Стефана и Феофана выполняет имя *Ной*, ведь в слове Феофана речь идет не просто о мореплавании («плавание корабельное»), но именно о создании («строении») флота. Учитывая эту традицию, нельзя исключать присутствия в *Слове* Феофана простой метонимической связи: Петр мог сравниваться с Иафетом как с сыном строителя ковчега, который, возможно, был причастен к его созданию.

Кроме того, важными представляются смысловые потенции имени *Иафет* в проповедях Стефана Яворского. Уподобление Петра Иафету в проповедях Стефана отсутствует, однако последний описывается Стефаном как *властитель, прародитель московитов и прародитель всех европейцев*. Феофан, сопоставляя с *Иафетом* в *Слове на погребение...* российского императора и европеизатора Петра I, вполне мог учитывать смысловые обертоны, выраженные в проповеди своего предшественника. Сравнивая основателя российского флота с *Иафетом*, Феофан, в традициях барочной культуры, к которой он принадлежал, мог иметь в виду и актуальный ассоциативный семантический пласт: российский император, который «прорубил окно в Европу», уподоблялся властителю и «первому европейцу» Иафету.

В заключение отметим, что именно «европейская» коннотация имени *Иафет* получила развитие в поэзии конца XVIII века. Это имя встречается у Г.Р. Державина в оде *На взятие Измаила* (1790 г.). В ней есть невероятно пафосная строфа, в которой актуализируется миф о важнейшей геополитической роли Российской империи в европейских делах. Здесь, как поясняет Грот, обращаясь «к Англии и Пруссии, которые оказывали самое сильное сопротивление видам России на Турцию» (Державин 1864, 1, 357), Державин пишет:

[...] Росс рожден судьбою
От варварских хранить вас уз,
Темиров попирашь ногою,
Блюсть ваших от Омаров муз,
Отмстить крестовые походы,
Очистить иордански воды,
Священный гроб освободить,
Афинам возвратить Афины,
Град Константинов Константину
И мир *Афету* водворить.

Афету мир? — О труд избранный,
Достойнейший его детей,
Великими людьми желанный!.. (Державин 1864, 1, 357).

Последние строки строфы сам Державин объясняет следующим образом: «Т. е. город Афины возвратить богине Минерве, под которою разумеется Екатерина [...] Константинополь подвергнуть державе великого князя Константина Павловича, к чему покойная государыня все мысли свои устремляла» (Державин 1864, 1, 357). В поэтическом мире Державина предлагается вернуть град Константина Великого тому, кто им никогда не обладал, — Константину Павловичу, «новому Константину». Как видно, антропоним *Афет* здесь используется в качестве антономазии и означает *Европа, европейские народы*.

Источники

- [Бошар, Самюэль]. 1725. “Следование о родословии первых богов языческих, како оно из истинной истории Священного Писания, языки выплели развращением: Самуилом Бохартом премудрейшим древности исыскателем сочиненное, пер. А. К. Барсова.” В *Аполлодора грамматика афинеиского библиотеки или о богах*. Напечатана повелением императорского величества в Москве, 305–404.
- Голиков, Иван И. 1789. *Деяния Петра Великого, Мудрого Преобразователя России*. Ч. 9. М.: тип. Н. И. Новикова.
- Державин, Гавриил Р. 1864. *Сочинения*. С объяснительными примечаниями Я. Грота, в 9 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- “Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Капмпредона с 1719 по 1722 г.” В *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*. Т. 40, 1–464. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Панегирическая литература петровского времени*. 1979. Изд. Василий П. Гребенюк, ред. Ольга А. Державина. Москва: Наука.
- Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии*. 2006. Ответственный редактор Сергей И. Николаев. Санкт-Петербург: Наука.
- Сумароков, Александр П. 1787. *Полное собрание всех сочинений в стихах и в прозе*: в 10 ч. Т. 5. Москва: в университетской типографии у Н. Новикова.
- Стефан Яворский. 1804. *Проповеди блаженных памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола патриархаго высоким учением знаменитого, и ревностию по благочестию преславного*. Ч. 1. Москва: Синодальная типография.
- Стефан [Яворский]. 1874. “Торжественной колесницы путь сугубый: наследие и взыскание, пред всем Сенатом российским словом проповедническим показанный лета Господня 1706, генваря 1-го дня. Проповедася Преосвященным Стефаном, митрополитом рязанским и муромским.” *Труды Киевской духовной академии* 4: 123–54.
- Стефан [Яворский]. 1875а. “Сень вторая, Моисеви от Петра созданная, яже есть флот морской, в неделю первую по сошествии Святого Духа.” *Труды Киевской духовной академии* 1: 118–28.
- Стефан [Яворский]. 1875б. “Моисей Российский к освобождению людей христианских от работы египетския-турецкия Богом избранный, си есть, Всепресветлейший Монарх Всероссийский Петр Первый, по разрушении турками мира, на тех же турков праведную войну воздвизающий, проповедию всенародне в церкви Успенской соборной чрез Преосвященного Стефана, митрополита Рязанского

- и Муромского, в Москве явленный, 1711 года, февраля 25 дня.” *Труды Киевской духовной академии* 9: 12445.
- Татищев, Василий Н. 2003. *История Российская*. В 3 т. Т. 2. Москва: АСТ.
- Феофан Прокопович. 1725. “Предисловие к читателю.” В *Аполлодора грамматика афгинеисаго библиотеки или о богах*, 1–18.
- Феофан Прокопович. 1831. *Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, сочиненная Феофаном Прокоповичем, архиепископом Новгородским и Св. синода первенствовавшим членом с присовокуплением описания порядка, держанного при погребении блаженной высокославной и вечнодостоинейшей памяти всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всероссийского и блаженной памяти Ее Императорского Высочества, государыни цесаревны Наталии Петровны*. Санкт-Петербург: Типография И. Глазунова, 1831.
- Феофан Прокопович. 1961. *Сочинения*, ред. Игорь П. Еремин. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Феофан Прокопович. 2020. *Об искусстве риторическом десять книг*. Перев. Георгий А. Стратановский; ответственный редактор Сергей И. Николаев; подготовка текста Елена В. Маркасова и Сергей И. Николаев; коммент. Елена В. Маркасова. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.

- Bochart, Samuel. 1646. *Geographiae sacrae pars prior Phaleg, seu De dispersione gentium et terrarium divisione facta in aedificatione turris Babel*. Caen: Pierre de Cardonnel.
- Hofmann, Johann Jacob. 1698. *Lexicon Universale*. Т. 3. Leiden: Jacob. Hackius, Cornel. Boutesteyn, Petr. Vander Aa, & Jord. Luchtmans.

Литература

- Буранок, Олег М. 2002. *Ораторская проза Феофана Прокоповича и историко-литературный процесс в России первой трети XVIII века*. Самара: НТЦ.
- Гуковский, Григорий А. 1940. “Эмин и Сумароков.” В *XVIII век. Статьи и материалы*. Сб. 2, 77–94. Ленинград: Наука.
- Иероним Стридонский. 2009. *Еврейские вопросы на книгу Бытия*. Москва: Отчий дом.
- Конакова, Евгения И. 2007. “Мифологический образ Петра I в сочинениях Ф. Прокоповича и В. Н. Татищева.” *Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки* 4: 67–71.
- Кузнецов, Владимир А. 1993. “Поэтические уподобления в русской литературе XVIII века: К вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания.” *Вестник СПбГУ*. Сер. 2. Вып. 1, 2: 73–8.
- Маслов, Сергей И. 1914. *Библиотека Стефана Яворского*. Киев: Типография М. Т. Мейнандера.
- Мыльников, Александр С. 1996. *Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI–начала XVIII века*. Санкт-Петербург: Российская академия наук.
- Панченко, Олег В. 2003. “Поэтика уподоблений (к вопросу о “типологическом” методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии).” В *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 54, 491–534. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Петров, Андрей Е. 2009. “Иафет.” В *Православная энциклопедия*. Т. 20, 598–99. Москва: Церковно-Научный Центр Православная энциклопедия.

- Погосян, Елена А. 2001. *Петр I — архитектор российской истории*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ.
- Позднев, Михаил М. 2022. “Античное наследие и петровская реформа (1697–1725).” В *Петр Великий и античность. Рецепция античного наследия в петровскую эпоху*, общая редакция Михаила М. Позднева, 78–158. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений.
- Сазонова, Лидия И. 2002. “Имя в риторике и поэзии XVIII века у восточных славян.” *Славяноведение* 1: 4–22.
- Стефанович, Петр С. 2020. “«Славянороссийский народ» в исторической литературе Украины и России XVII–первой половины XVIII в.” *Slověne* 2: 417–47. DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.9.
- Collis, Robert. 2012. *The Petrine Instauration. Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725*. Leiden–Boston: Brill.
- Dahlberg, Elena. 2016. “National, religious and cultural identity in Latin poetry from the Great Northern War (1700–1721).” *Renæssanceforum* 10: 193–217.
- Hughes, Lindsey. 1998. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven–London: Yale University Press.
- Hughes, Lindsey. 2002. *Peter the Great. A Biography*. New Haven–London: Yale University Press.
- Hughes, Lindsey. 2007. “The Funerals of the Russian Emperors and Empresses” In *Monarchy and Religion: The Transformation of Royal Culture in Eighteenth-Century Europe*, ed. by Schaich, Michael, 395–419. Oxford: Oxford University Press.
- Keipert, Helmut. 1988. “Nomen est omen. Etymologie als Denkform bei russischen Autoren des 17. Jahrhunderts.” In *Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen. Akten des Heidelberger Symposions vom 28. bis 30. April 1986*, Hrsg. von Panzer, Baldur. 100–32. Heidelberg: Winter.
- Kohut, Zenon. 2010. “From Japheth to Moscow: Narrating Biblical and Ethnic Origins of the Slavs in Polish, Ukrainian, and Russian Historiography (Sixteenth–Eighteenth Centuries).” *Journal of Ukrainian Studies* 33–4, 2008–2009: 279–92.
- Kersken, Norbert. 2004. “Geschichtsbild und Adelsrepublik. Zur Sarmatentheorie in der polnischen Geschichtsschreibung der frühen Neuzeit.” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 52, 2: 235–60.
- Okenfuss, Max J. 1995. *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy*. Leiden: Brill.
- Shalev, Zur. 2012. *Sacred Words and Worlds. Geography, Religion, and Scholarship, 1550 – 1700*. Leiden: Brill.